

Комсомолец
г. Ереван

- 7 ОКТ 1986

Наша творческая молодежь

ОТРЕЧЕНИЕ ВО ИМЯ НАСТОЯЩЕГО

В его родном городе Ленинакане имя артиста Владимира Кочаряна давно хорошо известно. Он и сам сколько раз нарочком замечал признаки своей популярности. Бывает, при встрече с ним с пониманием переглянутся люди друг с другом, бросят только одно слово: «Раскольников». Признаться, его актерская известность в родном городе всегда льстила Владимиру. Возможно, не случайно, и вовсе уж не из-за стремления Кочаряна к популярности. Просто Ленинакан известен своими театральными традициями, а в актерской среде — еще больше неким зрительским абсолютизмом, как нам кажется, вполне здоровым. Здесь у публики устоявшийся вкус, и актер, впервые выступающий на местных подмостках, может «угодить» сразу всему залу или же — опять-таки всем сразу — не угудить.

Случалось, что артисты, услышавшие немало «хвалебных песнопений» критики в свой адрес, были здесь осивстаны, и, чапротив, исполнение внешне неприметных ролей принималось с овациями. Жаль, никто не исследовал серьезно «ленинаканского театрального феномена», но и без такого исследования вполне видно, что оказанный в Ленинакане прием как бы предрешал актеру успех на будущее... Владимиру Кочаряну с этим повезло. И особенно благодаря созданному им на сцене образу героя Достоевского...

Пожалуй, среди многих признаков, отличающих позиции одних артистов от других, немаловажен вопрос их отношения к уже сыгранным ролям. Один, смотришь, с непоколебимым уважением говорит о всех сыгранных им прежде ролях. Тут всегда ощущаешь какую-то успокоенность и отсутствие всяких перспектив. Другой вспоминает о прошлой работе снисходительно, со скучающими интонациями в голосе. Тоже характерный признак: «горит» новой ролью, но в искусстве вряд ли еще четко определил свое место. Беседа с Владимиром Кочаряном, как на золотую жилу, как на нечто самое обнадеживающее, наталкиваешься на удивительное отношение к прежним ролям.

Кочарян помнит только находки, ими, как ступенями, ведущими вверх, отмечает пройденный путь. А он представляется ему борьбой, где все время приходится чем-то жертвовать ради нового качества. Отрекается от прошлого — ради настоящего, ибо каждую новую роль стремится решать задачами, не поддающейся решению старыми методами. Не годятся и старые находки, они — лишь основа, почва для роста. Качество дают попытки нового прочтения образа, да еще, наверно, интуиция актера, которой Кочарян привык доверять.

Сегодня он уже заслуженный артист Армянской ССР, один из ведущих актеров академического театра им. Г. Сундукяна. Создано им немало ярких, запоминающихся образов и в кино — на студии «Арменфильм». По-своему это само по себе горит о правильности профессиональных установок актера.

В кино начинал в фильме режиссера Л. Вагаряна «Ссылный 011». Жизнь актера, заня-

того в спектаклях и на съемках, течет быстро. Будто вчера шли съемки этого фильма, но прошло уже 13 лет. Вопросом о сегодняшнем его отношении к сыгранной в этом фильме роли Сурена Спандаряна мы и начали встречу с артистом Владимиром Кочаряном для вас...

— У меня осталось ощущение смелости сделанного мною шага. Первый раз сниматься в кино — и сразу в такой роли, по-моему, это был очень рискованный дебют. Особая трудность заключалась в том, что я должен был играть последний отрезок жизни видного революционера. Естественно, пытался прожить мысленно всю его жизнь — ведь в каждом отдельном эпизоде ее, в каждом проступке проявляется что-то, выработанное прожитым, годами. И все равно задача была не из легких, ведь нужно было передать одновременно крайнее физическое истощение моего героя и необыкновенную высоту духа, настоящее мужество. Собственно, и эта, и последующие мои роли в кино убедили меня: в процессе создания фильма актер всегда ожидает больше того, что видит в уже готовой ленте на экране.

Сам перед собой я признаюсь, что все, а их более десятка, роли, сыгранные мною в кино, сейчас я воспроизвел бы совсем иначе. Вот только с большим внутренним уважением отношусь к своему врачу Андреасу Меликяну в фильме Бабаяна и Довлатяна «Крик павлина», как к роли переломного характера. Хочу сказать, что при всем обилии литературных и сценических образов, редко какой из них дает столь блестящие психологические возможности актеру проявить себя.

В этом фильме врач должен был не лечить неизлечимого больного, а помочь ему достойно, с верой в жизнь прожить свои последние дни и часы. К сожалению, довольно редки сценарии, в которых заложены подобные жизненные коллизии, сами по себе заставляющие зрителя поразиться, увидеть и свое собственное существование под определенным углом зрения. Актер тут не на первом плане. Но ведь и не в показе возможностей артиста, так сказать, счастье. Он лишь проводник идеи, сюжета, размышлений. И чем больше на первом плане именно они, тем удачнее, на мой взгляд, исполненная роль.

— Мы уже довольно долго говорим о ваших ролях, по сути, ничего не сказав о вас.

— Закончил режиссерский факультет Ереванского художественно-театрального института. Потом работал в Ленинаканском театре им. А. Мравяна затем — Ереван: театр и кино.

— Помнится, в Ленинакане в качестве режиссера вы поставили Брехта — «Мамаша Курраж и ее дети», удостоились специального приза на фестивале немецкой драматургии, а Жанна Товмасян, сыгравшая главную роль, была отмечена первой премией за лучшее исполнение женской роли. Почему же после такого успеха не продолжили занятия режиссурой?

— Прецеденты были. В Ерева-

не, в театре им. Сундукяна, — «Приключения Тома Сойера» по Марку Твену. Я всегда с большой неохотой делю свою, не такую уж большую деятельность на режиссерскую и собственно актерскую. Есть даже какая-то жадность — хотелось бы делать и то, и другое. По крайней мере, собираюсь «распыляться» и дальше. Уже принял предложение поставить в Ленинаканском театре «Овод». Возможно, меньше режиссурой, а больше актерской деятельностью меня побудила склонность к коллективной работе, тут профессия актера — шире. В разное время мне посчастливилось играть с такими яркими артистами, как Гриценко, Каюров, Богатырев, Тришкин, с замечательной плеядой армянских актеров, подтвердивших исполнительским своим мастерством древнюю славу армянского театра; я говорю о А. Джигарханяне, Х. Абрамяне, С. Саркисяне и Ф. Мкртчяне. С другой стороны, не знаю, насколько это правильно, но продолжение в актерском амплуа диктует успех, какой был, скажем, у моего Гукаса в фильме Сурена Бабаяна по рассказу Брэзбери «Восьмой день сотворения мира», как известно, удостоенного Большого приза на фестивале фантастических фильмов в Италии, в Триесте.

— Вот уже столько ролей в кино: Мануков в «Микаэле Налбандяне», Ваню Хаджабекян в «Зажженной лампе», Осип — в «Лирическом шестивии», банит Гор во «Всаднике, которого ждут»... А есть ли ваш личный отсчет становления каких-то из этих ролей от образов в фильмах, увиденных в детстве?

— Это очень интересный вопрос. Действительно, киноартист вырастает чаще всего из детской, неосознанной любви к кино. Мне еще предстоит самому разобраться, почему «Шор и Шоршор», «Хар Вуш», чаплиновские фильмы запали в память и воображение. Только я займусь этим когда-нибудь потом... Сейчас просто некогда. Успеть бы понять, от чего следует отказаться, пусть это даже тебе и дорого, во имя нового, во имя утверждения правды. Талантливый режиссер, приглашая на роль того или иного артиста, должен почувствовать в нем не только «соответствующий талант», сколько способность отказываться от прежних находок, стать выразителем жизненной правды, заключенной в образе героя.

— Именно поэтому вы приглашены Фрунзе Довлатяном на роль Леона в новом его фильме «Одинокий» и Суреном Бабаяном — в «Марсскую хроника»?

— Смею надеяться...

— На художественных выставках порой появляются ваши живописные полотна. Это что, «хобби»?

— Я бы не сказал. В художественной школе им. С. Меркурова моим педагогом был Акоп Ананикян. Спасибо ему за то, что помог увидеть и почувствовать красоту и гармонию, в каком бы виде искусства она не проявлялась. Не обязательно, чтобы крутые сутки, то есть в непосредственной связи с профессией, но какое-то время каждый человек должен жить ощущением красоты и гармонии. На мой взгляд, с этого начинается духовность вообще.

— Ваши пожелания читателям нашей газеты?

— Считайте, что это и есть мое самое доброе пожелание...

С. ГЕОДАКЯН.